

НАРРАТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ НАУКИ

ЧАСТЬ 2: НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ И НАРРАТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия, кандидат филологических наук
доцент по кафедрам филологии и библеистики Московской
духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: Барицкий Д., свящ. Нarrативная герменевтика и её значение для православной библейской науки. Часть 2: Нarrативный поворот и нарративная герменевтика // Богословский вестник. 2025. № 3 (58). С. 35–57. DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.002

Аннотация

УДК 801.73 (27-277.2)

Статья описывает и анализирует методологические установки одного из ключевых направлений современной нарратологии — нарративной герменевтики, а также оценивает возможность и продуктивность использования её принципов и понятийно-терминологического аппарата в контексте православной библейской науки. В настоящем разделе рассматриваются те тенденции в области гуманитарной мысли второй половины XX в., результатом которых стала реабилитация нарратива. Отмечается, что эти процессы протекали как в творческом, так и теоретическом дискурсе. Особое внимание уделяется анализу тех положений нарративной герменевтики, которые представляются наиболее значимыми для их использования в контексте библейских исследований. Ключевые принципы нарративной герменевтики рассматриваются в эпистемологическом, онтологическом и этическом аспектах.

Ключевые слова: Священное Писание, герменевтика, философская герменевтика, библейская герменевтика, нарративная герменевтика, нарративный поворот, нарратология, библейский нарратив, повествование.

Статья поступила в редакцию 22.1.2025; одобрена после рецензирования 15.2.2025

Narrative Hermeneutics and its Significance for Orthodox Biblical Scholarship. Part 2: The Narrative Turn and Narrative Hermeneutics

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology, PhD in Philology

Associate Professor at the Departments of Philology and Biblical Studies at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. "Narrative Hermeneutics and its Significance for Orthodox Biblical Scholarship. Part 2: The Narrative Turn and Narrative Hermeneutics". *Theological Herald*, no. 3 (58), 2025, pp. 35–57 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.002

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of methodological approaches of one of the key directions of modern narratology, narrative hermeneutics, as well as the assessment of the possibility and productivity of using its principles and conceptual and terminological system in the context of Orthodox biblical scholarship. This section examines those trends in the field of humanitarian thought in the second half of the 20th century that resulted in the rehabilitation of narrative. It is noted that these processes took place both in creative and theoretical discourse. Special attention is paid to the analysis of those provisions of narrative hermeneutics that seem to be the most significant for their use in the context of biblical studies. The key principles of narrative hermeneutics are examined from epistemological, ontological, and ethical perspectives.

Keywords: Holy Scripture, hermeneutics, philosophical hermeneutics, biblical hermeneutics, narrative hermeneutics, narrative turn, narratology, biblical narrative, narrative.

The article was submitted on 1/22/2025; approved after reviewing on 2/15/2025

Возвращение к нарративу

В 1970-е гг. обсуждаемая нарративистами резкая оппозиция между реальностью (отображённой в человеческом опыте) и повествованием ставится под вопрос. Вместо этого делается акцент на глубоком переплетении опытного восприятия жизни и его повествовательной интерпретации. По мнению ряда исследователей, эти тенденции и составляют суть явления, известного по названию «нарративный поворот»¹.

Подобно антинарративным настроениям, возвращение к повествованию возникает первоначально в рамках художественного дискурса. Его реабилитация начинается с того, что французские писатели критикуют идеи сторонников антинарративного движения о само-референциальности рассказа. Нарративисты выдвигают противоположный тезис: именно благодаря повествованию человек получает способность ориентироваться в реальном мире. Кроме того, именно благодаря тому, что мы интерпретируем свой опыт, используя нарративы культуры, наша жизнь представляет собой не хаос разрозненных фрагментов, а становится осмысленным целым. Мы становимся теми, кто мы есть, в процессе рассказывания историй о себе. В свою очередь, эта активность осуществляется в диалогическом отношении к историям, которые мы слышали. Иными словами, мы создаём себя и свою жизнь, пересказывая или оспаривая те нарративные модели, которые нам предлагает культурный контекст. Таким образом нарративисты не дискутируют напрямую с идеей радикального противопоставления мира, который существует «сам по себе», рассказу о нём. В первую очередь, они сосредотачивают внимание на том, как при помощи нарратива субъект создаёт осмысленный порядок.

Яркий пример подобного подхода — творчество М. Турнье. По его мысли, способность создавать историю, миф, отличает человека от животных. Мы обретаем «человеческую сексуальность, сердце и воображение только благодаря журчанию историй и калейдоскопу образов, которые окружают нас в колыбели и сопровождают до самой могилы»²,

1 «Нарративному повороту» посвящено большое количество исследований. Со всей подробностью обсуждение кризиса повествования и возвращения к нему описывается в монографии: *Meretöja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier*. Basingstoke, 2014. Х.Меретойя рассматривает нарративный поворот не только как явление, которое имело место в рамках теоретического дискурса. По её мысли, возвращение к нарративу — это более широкий культурный феномен, затронувший все сферы жизни человека.

2 *Tournier M. The Wind Spirit: An Autobiography*. Boston (Mass.), 1988. P. 158–159.

т. е. повествование формирует наше бытие в этом мире. Человеческая идентичность, согласно М. Турнье, есть во многом результат подобной нарративной активности. При помощи историй литература способна фиксировать и отображать наш опыт переживания реальности. Важно отметить, что эти повествовательные модели возникают не в вакууме. Автор создаёт их в диалоге с уже существующими в рамках культуры моделями нарратива.

Эту закономерность М. Турнье иллюстрирует в своём романе «Лесной царь» (1970 г.). Именно в диалоге с культурными нарративами конституируется идентичность главного героя романа — Авеля Тиффожа. Он осмысляет себя и свою судьбу через призму преданий и легенд. С одной стороны, это предание о св. Христофоре — древнем мученике, который перенёс на своих плечах через бурный поток Христа, принявшего облик ребёнка. С другой — о лесном царе, мифическом существе, которое похищало детей. Эта фигура наиболее известна по балладе Гёте «Лесной царь» (нем. «Der Erlkönig»). Всё, что видит и переживает Авель, он осмысляет через призму этих сюжетов. Иными словами, они предлагаю ему модель для формирования личного опыта и ориентации в мире. События Второй мировой войны, ситуация, в которой он оказался, интерпретируется им в контексте мифической драмы борьбы света и тьмы. Именно так А. Тиффож воспринимает всё, что происходит с воспитанниками спецшколы в замке Кальтенборн, из которых нацистская пропаганда формирует отряды гитлерюгенд. Так оно осмысляется героем через призму символических нарративов. Старые истории переписываются и перетолковываются с точки зрения современности. Так М. Турнье показывает, что культурный нарратив оживает всегда в конкретной ситуации. Иными словами, интерпретация одного и того же сюжета всегда ситуативно обусловлена. Именно с этим связана амбивалентность образа Авеля. Он предстает перед самим собой и перед читателем то в светлом амплуа детоносца, то в мрачной и жуткой ипостаси людоеда из Кальтенборна.

Подобному постоянному переосмыслинию подвергаются все нарративы, не только личные, но и общекультурные. Прошлое постоянно пересказывается в связи с настоящим и будущим. Форма этого пересказа зависит от исторического момента и культурной перспективы, в рамках которой интерпретатор осмысляет свой индивидуальный временной опыт. Это не означает, что жизнь человека состоит из одного непрекращающегося и целостного нарратива. Скорее, это

«динамичное взаимодействие бесчисленных нарративных фрагментов, которые образуют все новые и новые конstellации, вступают в отношения соперничества, конфликта и диалога и подвергаются бесконечным пересмотром»³.

Итак, по всей видимости писатели-нарративисты приближаются к осознанию того, что нарративная интерпретация — это не просто когнитивная процедура. Создание историй напрямую влияет на наше существование в мире. Истории не виртуально, а реально конституируют наше бытие. Наша жизнь — постоянный интерпретативный процесс, в котором проживание опыта реальности и рассказ об этом опыте тесно переплетаются и взаимно определяют друг друга⁴.

Нарративная герменевтика

Ту работу по реабилитации нарратива, которую начали представители творческой интеллигенции, продолжили мыслители-теоретики. Благодаря их трудам художественные интуиции получили осмысление и выражение в понятиях и терминах словаря философии и филологической науки.

Со всей силой нарративная проблематика проявила себя в теоретическом дискурсе в 1980-е гг. Предметом изучения учёных и мыслителей стало то, как именно повествование связано с понятиями субъективности и идентичности. Как именно нарратив формирует наше отношение к миру и к самому себе? Как соотносится нарратив и человеческое «я»?

Большой вклад в разработку этой темы внесли мыслители и учёные: Д. Брунер, А. Макинтайр, П. Рикёр, Ч. Тейлор. Благодаря их трудам⁵ в рамках герменевтической традиции мысли возникло и начало развиваться новое направление — «нарративная герменевтика»⁶. Это

3 Meretoja H. Narrative and Human Existence: Ontology, Epistemology and Ethics // *New Literary History*. 2014. Vol. 45 (1). P. 101.

4 Интерес к тому, как люди строят свои жизненные истории при помощи прочитанных или услышанных ими нарративов, — довольно распространённая тема многих современных произведений, жанр которых можно обозначить как метанарративный роман.

5 Наиболее значимыми для нарративной герменевтики являются следующие монографии и статьи: Bruner J. *Life as Narrative* // *Social Research*. 2004. Vol. 71 (3). P. 691–710; MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame (Ind.), 1984; Ricœur P. *Temps et récit*. Paris, 1983–1985; Taylor C. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge (Mass.), 1989.

6 О том, что собой представляет нарративная герменевтика и какое место она занимает среди нарратологических исследований, см.: Brockmeier J., Meretoja H. *Understanding*

дисциплина на стыке философской герменевтики и нарратологии, которая делает главным предметом своего исследования роль, которую играет нарратив в акте понимания человеком мира и самого себя, а также рассматривает то, как человек конституирует свою идентичность и окружающую культурную действительность при помощи своей врождённой способности рассказывать истории.

Нарративная герменевтика, согласно утверждению Х. Меретойа, имеет в основе положения, восходящие, с одной стороны, к традиции мысли Ф. Ницше, с другой — к философии Э. Гуссерля. Ницшеанская герменевтическая концепция делает акцент не только на том, что весь мир, с которым мы взаимодействуем, есть результат нашей интерпретации⁷, но и на том, что интерпретация имеет перформативный характер, т. е. она всегда имеет отношение к власти, к действию и принимает непосредственное участие в построении человеческой реальности, а также её формировании и преобразовании. В свою очередь, традиция феноменологической герменевтики акцентирует на том, что понимание — это человеческий способ бытия в мире воплощённых и овеществлённых субъектов, которые находятся в процессе постоянного становления, протекающего во времени. «Вместе эти традиции образуют продуктивную основу для нарративной герменевтики, которая исследует нарративы как практики интерпретации. Эти практики существуют в отношениях диалога и борьбы в мире, а не просто в некоторой текстовой вселенной»⁸.

Данная позиция была усиlena в онтологической герменевтике М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера, идеи которых также лежат в основе нарративной герменевтики. Способность к интерпретации рассматривается мыслителями как базовая структура нашего сознания, изначальный способ бытия человека в мире⁹. Иными словами, это не только сознательный акт ума или же особая духовно-интеллектуальная практика, направленная на извлечение таинственного смысла из произведения, но интерпретация начинается на дорефлексивном уровне. Воспринимая мир определённым образом, мы уже его интерпретируем и наделяем

7 Narrative Hermeneutics // *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. 2014. Vol. 6 (2). P. 1–27.

8 Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва, 2005. С. 281: «Фактов не существует, а только интерпретации».

9 Meretoja H. For Interpretation // *Storyworlds*. 2016. Vol. 8 (1). P. 99.

См.: Талалаева Е.Ю., Пронина Т. С. Понимание как универсальная герменевтическая среда в философии Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 118–123.

тем или иным смыслом¹⁰. Как говорили об этом М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер, мы всегда понимаем «нечто как что-то» (нем. «Etwas-als-Etwas-Verstehen»)¹¹. Это означает, что реальность не дана нашему восприятию такой, какая она есть «сама по себе» или же «на самом деле»¹², о чём так или иначе говорили представители эмпирико-позитивистской мысли и антинарративных течений. Реальность опосредуется языковым протоколом, который укоренён в нашем сознании.

Развивая эти положения, нарративная герменевтика утверждает, что познание и понимание окружающего мира и самого себя — это всегда герменевтическая активность. Весь наш опыт имеет структуру интерпретации¹³. Именно благодаря герменевтической активности познающий субъект конституирует сам себя и окружающую его культурную действительность. Кроме того, поскольку мы ограничены рамками определённой культурно-исторической ситуации, непосредственного доступа к себе у нас не существует. Досемиотический, докультурный опыт восприятия реальности, о котором говорят позитивисты, нам

10 Согласно этому широкому пониманию герменевтики, интерпретация является не «сознательным актом ума», а скорее частью автоматизированных интерпретационных практик, которые в значительной степени ускользают от нашего сознания. См.: *Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds*. 2016. Vol. 8 (1). P. 98.

11 Цит. по: *Meretoja H. Narrative and Human Existence // New Literary History*. 2014. Vol. 45 (1). P. 96.

12 Несмотря на то, что нарративная герменевтика не работает напрямую с сенсорным восприятием, она отталкивается именно от того положения науки о сознании, согласно которому чувственный опыт воспринимающего субъекта обусловлен особенностями его ментального состояния (чаще используется выражение «приватные ментальные состояния» или термин «квалиа»). Иными словами, наше восприятие одних и тех же явлений внешнего и внутреннего мира уникально, и говорить об объективности восприятия затруднительно уже на уровне элементарных психофизиологических процессов. Яркий пример — то, как мы воспринимаем цвет. Как писал по этому поводу Эрвин Шрёдингер, «ощущение цвета невозможно объяснить в рамках объективной картины волн света, имеющейся у физиков. А мог бы физиолог объяснить это, обладай он более полными знаниями о процессах, происходящих в сетчатке, и вызываемых ими нервных процессах в зрительных нервных узлах и мозге? Я так не думаю. В лучшем случае мы бы получили объективные знания о том, какие нервные волокна возбуждаются и в каком соотношении; вероятно, точно узнали бы процессы, которые они вызывают в определенных клетках мозга в те моменты, когда наш разум регистрирует ощущение желтого цвета в определенном направлении или области нашего поля зрения. Но даже такое подробное знание ничего не расскажет нам об ощущении цвета». См.: *Шрёдингер Э. Разум и материя*. Ижевск, 2000. С. 84.

13 См.: *Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds*. 2014. Vol. 6 (2). P. 10.

недоступен. Процесс самопонимания и созидания собственной идентичности всегда опосредован «знаками, символами и текстами»¹⁴ культурной традиции, ключевую роль среди которых играет именно нарратив. Подобно языку он является тем протоколом, по законам которого мы воспринимаем самих себя и окружающий нас мир.

Взаимодействие опыта и нарратива в концепции П. Рикёра

Наиболее ярко идеи, положенные непосредственно в основу нарративной герменевтики, представлены в творчестве французского философа П. Рикёра. В своей работе «Время и рассказ» и «Я как другой» он разрабатывает теорию нарративной субъективности. П. Рикёр показывает, как понимание того, кто мы есть, сама наша идентичность формируется в динамичном, протекающем во времени, процессе постоянной интерпретации собственного опыта в свете нарративов культуры. Также он исследует то, как в процессе этой герменевтической активности трансформируются сами нарративные паттерны. Мы опираемся на них для того, чтобы придать форму нашему временному опыту и в результате преобразуем их же в свете нового жизненного опыта¹⁵.

Для того чтобы описать это диалектическое взаимодействие опыта и нарратива, П. Рикёр заимствует у Аристотеля понятие *mimēsis* (греч. μίμησις). По мысли французского философа, это герменевтическая операция, которую осуществляет наше сознание. Эта операция неоднородна. П. Рикёр выделяет и подробно характеризует три фазы её протекания.

Mimēsis-I (префигурация) — это первичная обработка нашим сознанием тех данных, которые мы получаем, взаимодействуя с реальностью. Интерпретируя разнородный жизненный материал, мы находим в нём определённые закономерности, чтобы привести этот хаос впечатлений в порядок. Сознание накладывает на полученный опыт концептуальную сетку: определяет структуру действия, наделяет происходящее первичным (у П. Рикёра символическим) значением, а также

14 *Ricœur P. From Text to Action: Essays in Hermeneutics II. Evanston (Ill.), 1991. P. 15.*

15 В. Бабич, исследуя подробно описание этого процесса П. Рикёром, изображает его графически в виде спирали. Эта динамическая структура наглядно демонстрирует, как «нарратив объединяет действия, характер и ценности в некое единство, синтезируя диалектические оппозиции, определенные воплощением». См.: Бабич В. В. Нарративная идентичность и этический субъективизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 3A-4A. С. 18.

устанавливает временные параметры. Согласно П. Рикёру, этот уровень предпонимания необходим для того, чтобы перейти к повествованию о происходящем, а потому его можно рассматривать как своеобразный черновик, эскиз для предстоящего рассказа.

Mimēsis-II (конфигурация) — это мир повествования. То, что Аристотель называл *mythos* (греч. «μύθος» — «интрига»/«фабула»). Это нарративная структура, которая, по словам П. Рикёра, характеризуется завершённостью, целостностью и протяжённостью. То временнóе несогласие опыта, которое всё ещё продолжает жить на уровне *mimesis-I*, приводится на этом уровне к согласию при помощи нарративных шаблонов.

Если сам опыт (первичное восприятие действительности на уровне *mimesis-I*) имеет структуру интерпретации, то культурные нарративы имеют структуру «двойной герменевтики», поскольку они являются интерпретациями опыта, который уже является интерпретацией реальности. Цель нарратива — сфокусировать наше внимание на отдельных аспектах опыта, указать на особо значимые связи между его элементами, подчеркнуть их уникальный статус.

Наконец, *mimēsis-III* (рефигурация) представляет собой акт интерпретации произведения читателем. Читатель вступает в диалог с текстом, пытаясь выяснить, какое же послание ему передал автор. В процессе чтения он интегрирует нарратив в свой собственный мир, испытывает от этого определённые эмоции и под влиянием прочитанного преобразует свою деятельность. На уровне *mimesis-III* происходит рефигурация темпорального опыта (*mimesis-I*), отражённого в тексте (*mimesis-II*), в результате чего возникает новый опыт (*mimesis-I*) и новый нарратив (*mimesis-II*). И далее миметический цикл повторяется.

Таким образом, повествование появляется на свет благодаря тому, что автор осмысливает временнóй опыт своей жизни, и оно возвращается к жизни посредством читателя, который прочитывает его через призму своего опыта.

«Герменевтический круг между рассказом и временем постоянно возрождается в круге, который образуется стадиями мимесиса»¹⁶.

Миметическая модель позволяет П. Рикёру уйти от резкого противопоставления опыта проживания реальности нарративу, при помощи которого мы якобы навязываем реальности значимый порядок. Нарративная герменевтика против идеи, согласно которой мы сначала

16 Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. Москва; Санкт-Петербург, 1998. С. 93.

проживаем жизнь, а уже потом осмыслияем свой опыт и подбираем для него подходящую форму рассказа. Она утверждает, что проживание опыта и рассказ об этом проживании переплетены друг с другом «в сложном движении взаимной детерминации»¹⁷.

Элементы нарративизации появляются уже на уровне восприятия мира, как его первичная интерпретация. Наш опыт реальности имеет преднарративную структуру (это «эскиз», «черновик» нарратива). Мы интерпретируем действительность по определённым правилам, которые получают логическое развитие в нарративе. Иными словами, осмысление событий через призму нарративных шаблонов (сюжетов) — это всего лишь диалектическое продолжение герменевтической активности на уровне *mimesis-I*, а не отдельно стоящая когнитивная операция. Как замечает по этому поводу Х. Меретойя, «человеческое существование “само по себе” включает процесс постоянной интерпретации и создания смысла, и поэтому проблематично устанавливать оппозицию между проживанием и рассказыванием, предполагая, что только последнее включает интерпретацию»¹⁸.

Итак, нарративизация (в терминологии П. Рикёра «*emploiement*» — с фр. «осюжечивание») не фальсифицирует наш опыт реальности. Это есть не что иное, как творческая реорганизация или реконструкция нашего бытия на ином миметическом уровне. Содержанием этой операции является «схватывание вместе» опыта и событий. Её цель — объединить согласие и несогласие, порядок и беспорядок, которые характеризуют наш опыт¹⁹, поэтому между нарративами и опытом восприятия мира нет разрыва. Наше восприятие мира изначально глубоко нарративно²⁰. Следовательно, уместно говорить о существовании интерпретационного континуума, который «простирается от базовой интерпретационной структуры чувственного восприятия до более сложных смыслообразующих практик, таких как нарративные интерпретации опыта»²¹.

17 *Meretoja H. Narrative and Human Existence // New Literary History. 2014. Vol. 45 (1). P. 96.*

18 *Ibid. P. 97.*

19 Подробнее о том, как П. Рикёр представляет себе протекание этой герменевтической операции, см.: *Барицкий Д., свящ. Генезис библейского нарратива через призму философской герменевтики П. Рикёра // БХД. 2024. № 1 (21). С. 188–207.*

20 Здесь необходимо сделать существенную оговорку. Утверждение нарративной герменевтики, что весь наш опыт имеет интерпретационную структуру, «не означает, что весь опыт имеет повествовательную структуру». См.: *Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds. 2016. Vol. 8 (1). P. 103.*

21 *Meretoja H. Narrative and Human Existence. P. 98.*

Опыт реального и Трансцендентное

Итак, нарративная герменевтика подчёркивает и объясняет связь между опытом проживания реальности и нарративом. Но связан ли опыт проживания реальности с самой реальностью? Насколько нарративна сама жизнь? Можем ли мы доказать, что наше сознание не играет с нами шутку, скрывая от нас при помощи повествования бессмысленность и хаотичность происходящего вокруг? Т. е. не является ли миметическая деятельность грандиозной фальсификацией, на чём настаивали антинарративисты? Ответ на этот вопрос П. Рикёр предлагает, опираясь на учение блж. Августина о времени.

Французский мыслитель акцентирует на важной закономерности, которую сформулировал христианский богослов: чем сильнее *intentio* («напряжение») человеческого духа, тем больше *distentio animi* («растяжение души»). Иначе говоря, чем сосредоточенней мы вглядываемся в свой временной опыт, чтобы создать на его основании единую, связанную историю, тем масштабнее и детальнее открывается нашему внутреннему взору картина темпорального рассеяния фактов этого опыта. И наоборот, разнородные события, которые произошли в разное время и в разных местах, мы схватываем единомоментно. Мы видим связь между ними, а потом на основании этого рассказываем историю. Так, благодаря способности к *intentio* духа наше сознание приводит временное несогласие к согласию.

П. Рикёр отмечает, что здесь блж. Августин очень близко подходит к теме соотношения времени и вечности.

«В сущности, вся диалектика *intentio-distentio*, присущая самому времени, возобновляется под знаком противоположности между вечностью и временем»²².

Для блж. Августина вечность связана с мыслью о Божественном Слове, в котором «ничто не проходит, но пребывает как настоящее во всей полноте»²³. В свою очередь, *intentio* духа — это сосредоточенность на Слове, в Котором содержится вся полнота смысла и актуальность настоящего, поэтому именно в этой реальности рассеянные во времени и пространстве вещи присутствуют единомоментно. Здесь они обретают подлинный смысл, а также становится очевидной связь между

22 Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. Москва; Санкт-Петербург, 1998. С. 38.

23 Aurelius Augustinus. Confessio XI, 11, 13 // CCSL. 27. P. 201. Рус. пер.: Августин Аврелий. Исповедь [XI, 13]. Москва, 1992. С. 165.

ними. Другими словами, именно в *intentio* духа рассеянный во времени опыт человека становится логосным. Он углубляется, получает связанность, наполненность, осмысленность. Мы видим реальность такой, «какая она есть на самом деле», т. е. в замысле Творца. Это взгляд на нашу реальность из вечности. Предвосхищение эсхатологического момента «ныне», в котором, по слову ап. Павла, будут испытаны огнём все наши дела²⁴, в котором откроется полнота замысла Творца о нашей жизни и событиях, её наполнявших²⁵.

Итак, для того, чтобы установить связь между реальностью и опытом её проживания, П. Рикёр ссылается на богословский аргумент. Мы воспринимаем эту жизнь опосредованно. С одной стороны, посредством знаков, символов и текстов, с другой — посредством Божественного Логоса, в свете Которого мы получаем возможность читать и творить истории о реальности²⁶. Именно вера в генетическую связь нашего духа со Словом Божиим, вера в то, что между ними существуют отношения конгруэнтности, обеспечивает существование подобных отношений между сознанием человека и течением жизни. И даже если некоторые истории бывают ложными и искажают действительность, есть подлинная история о жизни. И доступна она становится нам

24 1 Кор. 3,13–15: «...Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня».

25 Подробнее об этом см.: Барецкий Д., свящ. Генезис библейского нарратива через призму философской герменевтики П. Рикёра // БХД. 2024. № 1 (21). С. 202–205.

26 В. Н. Лосский связывает динамику духовной жизни с возрастанием в познании Бога, с пребыванием в Божественном свете, а также с возрастанием «сознательности» (термин В. Лосского), которая на языке восточных аскетических авторов называется «познание»/«ведение» (*gnosis*). См.: Лосский В. Н. Боговидение. Москва, 2003. С. 283: «Если жизнь во грехе иногда бывает нарочито бессознательной <...>, жизнь в благодати есть непрестанное углубление сознания, опытное возрастание в Божественном свете». Очевидно, что эта сознательность касается всех аспектов человеческой деятельности, в том числе и работы нашего мышления. Как пишет В. Н. Лосский, «Божественный свет становится основой нашего сознания: в нем мы познаем Бога и познаем самих себя» (Там же. С. 295). Благодать просвещает наш ум и влияет на то, как мы структурируем опыт своей жизни, как мы рассказываем истории, как мы их интерпретируем. Каждая герменевтическая операция осуществляется в Божественном свете и имеет своим содержанием соотнесение предмета интерпретации с Высоким Смыслом, с Богом. Будучи озаренным светом благодати, ум человека начинает видеть свет Божественного Слова в разрозненных фактах своего временного опыта (как говорится об этом в Писании, *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10)). События жизни, которые до этого могли казаться ему случайными и бессмысленными, являются глубокий смыслом.

тогда, когда мы обращаемся к её подлинному Автору — Тому, кто Один может дать свет нашему разуму и наполнить смыслом происходящее.

Реинтерпретация и диалог

Через призму этой «тройной герменевтики»²⁷ представители нарративной герменевтики предлагают взглянуть на формирование нарративной идентичности действующего субъекта. Это формирование представляется как нескончаемый динамичный процесс, растянутый во времени. Мы непрерывно реинтерпретируем и пересказываем свой прошлый опыт с точки зрения настоящего, связывая его с опытом, через который проходим в данный момент, а также с точки зрения предвосхищаемого нами будущего.

В терминах модели П. Рикёра эта означает, что восприятие реальности (*mimesis-I*) трансформируется в литературные и исторические нарративы (*mimesis-II*). В свою очередь, эти нарративы переосмысляются в новой ситуации и в таком рефигурированном виде становятся частью опыта познающего субъекта (*mimesis-III*). После этого цикл повторяется. Точка завершения миметического цикла постоянно смещается по отношению к той, в которой этот цикл начинается. Причём это смещение не только хронологическое, но и семантическое. Читатель (даже если он с автором одно и то же лицо) всегда по-новому осмысляет опыт, зафиксированный в тексте, и таким образом переписывает историю, устанавливает в ней новые значимые связи. А потому уместнее говорить не о герменевтическом круге, а о герменевтической спирали, для которой характерен процесс семантического приращения (в терминологии П. Рикёра — «иконического приращения»).

Подобная структура интерпретации опыта, в ходе которой формируется нарративная идентичность, позволяет критически дистанцироваться от идеи, что эта идентичность имеет стабильное ядро. Ведь

27 Х. Меретойа так объясняет выражение «тройная герменевтика»: «Я предлагаю, что если мы начнем с ключевого герменевтического инсайта, согласно которому опыт всегда имеет структуру интерпретации, то нарративы можно представить как имеющие структуру “двойной герменевтики”. Сплетая опыт в связные рассказы, нарративы дают интерпретации уже имеющегося опыта; и когда мы (пере)интерпретируем наш повседневный опыт, (нарративные) идентичности и жизненные планы в свете культурных нарративов (например, литературных или исторических), это приводит к сложному взаимодействию между нарративными интерпретациями, которое можно охарактеризовать в терминах “тройной герменевтики”». См.: *Meretöja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction // The Travelling Concepts of Narrative*. Amsterdam; Philadelphia (Pa.), 2013. (Studies in Narrative; 18). P. 104–105.

«опыт всегда “превышает” повествование и новый опыт постоянно бросает вызов нашим повествовательным интерпретациям»²⁸. Как пишет об этом П. Рикёр, «нarrативная идентичность не является стабильной и бесшовной идентичностью. Как можно сочинить несколько сюжетов на тему одних и тех же происшествий (которые, таким образом, не стоит называть одними и теми же событиями), так и о нашей жизни всегда можно сплести разные, даже противоположные сюжеты»²⁹, т. е. ядро нашей нарративной идентичности пластиично. В разные периоды жизни оно может приобретать разные формы. Всё зависит от того, какие истории мы рассказываем о себе и как мы это делаем.

Это означает, что наша жизненная история наполняется смыслом ретроспективно. В отличие от тезиса антинарративистов о возможности «чистого» и непосредственного восприятия реальности в настоящий момент, нарративная герменевтика утверждает, что смысловая глубина и полнота полученных данных открывается постепенно в результате пересказов-переинтерпретаций³⁰. Как заметил по этому поводу Д. Брунер, «жизнь — это не то, “как было”, но как проинтерпретировано и переинтерпретировано, рассказано и пересказано»³¹. Важно отметить, что подобная переинтерпретация не обязательно фальсифицирует опыт восприятия реальности, но, напротив, может

28 *Meretoja H. Narrative and Human Existence: Ontology, Epistemology and Ethics // New Literary History.* 2014. Vol. 45 (1). P. 97.

29 *Ricœur P. Time and Narrative. Vol. 3. Chicago (ILL), 1988.* P. 248.

30 Это, в свою очередь, является ответом на вопрос, насколько момент «сейчас» доступен нам в чистом виде, в том числе, изолированно от прошлого и будущего. С точки зрения нарративной герменевтики, переживание настоящего момента является синтетическим. Мы не можем воспринимать его сам по себе, изолированно от прошлого и будущего. Как прошлое, так и будущее всегда присутствуют в настоящем. Они даны нам или в виде воспоминаний, или в виде предчувствий. Эта идея встречается еще у блж. Августина, по мысли которого «есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу» (*Aurelius Augustinus. Confessio XX, 26.* Рус. пер.: Августин Аврелий. Исповедь. Москва, 1992. С. 170). Как замечает по этому поводу Х. Меретойя, «прошлое и будущее всегда пронизывают настоящее, даже когда оно впервые переживается, что делает проблематичной идею непосредственно данного настоящего опыта. Впоследствии лишь небольшая часть опыта организуется в нарративы, что сопутствует процессу воспоминания: и нарратив, и память избирательны, и то, что может быть интегрировано в нарратив, легче запомнить, чем отдельные переживания». См.: *Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction // The Travelling Concepts of Narrative. Amsterdam; Philadelphia (Pa.), 2013.* P. 105.

31 *Bruner J. Life as Narrative // Social Research.* 2004. Vol. 71 (3). P. 708.

способствовать более ясному пониманию и глубокому проникновению в смысл произошедшего³².

Окружённые сетью культурных повествований, мы осмыслияем свой опыт через их призму. Они помогают нам в конституировании себя. Однако это работает и в обратную сторону. На основе общепринятых моделей, но уже с учётом своего опыта мы создаём новые уникальные истории. Как писал об этом Д. Брунер,

«подражание между так называемой жизнью и нарративом имеет двойную связь <...>. Нарратив имитирует жизнь, жизнь имитирует нарратив»³³.

Получается, что реинтерпретация имеет структуру диалога. Мы ведём беседу с историями: вслушиваемся в них, задаём им вопросы, примеряем на себя, отталкиваясь от полученных ответов, созидаем новые истории. Иными словами, мы не просто повторяем истории, мы их всегда восполняем, творчески переосмысливаем, чтобы создать на их основании что-то новое.

Этот процесс нарративной реинтерпретации, в которой субъект созидает себя, бесконечен. Это непрекращающиеся циклы, которые «можно рассматривать как динамическое взаимодействие бесчисленных повествовательных фрагментов, образующих все новые созвездия, которые вступают в отношения соревнования, конфликта и диалога и подвергаются бесконечным пересмотром»³⁴.

Несмотря на то, что повествовательные фрагменты, которые принимают участие в этом диалоге, могут противоречить друг другу, выглядеть разобщёнными, результатом этой беседы является единая ткань культурной традиции³⁵. Она есть не что иное, как след того диалога,

32 См.: *Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds. 2014. Vol. 6 (2). P. 16.* Рус. пер.: «На самом деле самое реальное не обязательно даётся в непосредственном опыте. Скорее, зачастую времененная, то есть интерпретативная, дистанция является средством более чёткого и сложного понимания; это может помочь нам увидеть реальность более ясно».

33 *Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. Vol. 71 (3). P. 692.*

34 *Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds. 2016. Vol. 8 (1). P. 105.*

35 Пример того, как при помощи понятийного аппарата нарративной герменевтики можно описать процесс формирования христианской экзегетической традиции см.: *Барцицкий Д., свящ. Генезис и развитие христианской экзегетической традиции через призму феноменологической герменевтики П. Рикёра // БХД. 2025. № 1 (25). С. 151–177.*

который субъект ведёт с нарративами, вернее сказать, с другими субъектами посредством нарративов³⁶.

Взгляд на формирование нарративной идентичности через призму понятия диалога прекрасно подчёркивает двойственность статуса субъекта. С одной стороны, подобный подход предполагает его свободу и активное смыслотворчество. С другой, он отдаёт должное и тем культурным феноменам, которые воздействуют на субъект и социально детерминируют его. Благодаря ситуации диалога, субъект в одно и то же время и свободен, и обусловлен³⁷.

Рассказывать – значит действовать

Подобно антинарративистам, сторонники нарративной герменевтики указывают и на этические следствия своей точки зрения. Однако, в отличие от оппонентов, они подчёркивают этически значимый потенциал нарратива³⁸.

Согласно традиции ницшеанской и феноменологической герменевтики, интерпретация не просто презентация, это перформативный акт. Толкования подобны действиям³⁹. Они имеют материальные эффекты в окружающем мире: или созидают, или разрушают действительность⁴⁰. Яркий пример в романе М. Турнье: миф, созданный нацистской Германией.

- 36 Важно отметить, что нарративная герменевтика предлагает понимать этот диалог не столько в терминах интертекстуальности Ю. Кристевой, но в терминах интерсубъективности М.М.Бахтина. См.: *Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier*. Basingstoke, 2014. P. 20, 131–137.
- 37 Как замечает Х. Меретойа, «культурные сети нарративов существуют только через индивидуальные интерпретации, а индивидуальные субъекты, в свою очередь, конституируются по отношению к культурным нарративным сетям. Это двусторонняя взаимная связь. Данная перспектива позволяет нам избегать овеществления социальных систем и учитывать как агентность, так и социально обусловленную природу субъективности». См.: *Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds*. 2016. Vol. 8 (1). P. 105.
- 38 Фундаментальное исследование, посвящённое этой теме, см.: *Meretoja H. The Ethics of Storytelling: Narrative Hermeneutics, History, and the Possible*. New York (N. Y.), 2018.
- 39 Важно отметить, что «представление о нарративе как о форме действия и взаимодействия не обязательно исключает идею презентации; но оно обеспечивает другой фокус, который позволяет нам признать нарратив как форму жизни в смысле Витгенштейна или как неотъемлемую часть исторических миров в герменевтическом смысле». См.: *Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds*. 2014. Vol. 6 (2). P. 11.
- 40 См.: *Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds*. 2016. Vol. 8(1). P. 107. Рус. пер.: «В мышлении Ницше, Хайдеггера, Гадамера, Рикёра и Бахтина интерпретация имеет именно

Этот аспект взаимодействия нарратива и реальности отличает представителей анти- и нарративной позиции. Если для первых человек либо интерпретирует мир, либо его изменяет, то для вторых интерпретация самым тесным образом связана с тем, как «я» взаимодействует с действительностью. И напротив, то, как действует субъект, неизбежно отражается на том, как он думает о мире. В связи с этим важно указать на ряд моментов.

Подобно тому, как язык определяет границы моего мира, так и нарративы, которые получают распространение в тех или иных культурных мирах, определяют пространство возможного опыта. Как замечает по этому поводу Д. Брунер, «“Жизнь” в этом смысле есть та же разновидность конструкции человеческого воображения, что и “нарратив”. Она сконструирована людьми посредством активного рационализирования, того самого рационализирования, с помощью которого мы конструируем нарративы»⁴¹. Соответственно, окружающий нас «шелест историй» устанавливает систему правил, согласно которым действуют субъекты. Их мышление, чувства, слова и поступки подчиняются кодексу, заданному той или иной мифологической системой.

Весьма интересную иллюстрацию этого принципа находим в статье М. Фримена. Он рассказывает историю своей матери. Женщина страдала деменцией — болезнью, по мере развития которой мозг перестает выполнять функции, связанные с мышлением, памятью, вниманием, координацией движений. Продолжительное время учёный наблюдал протекание болезни. В результате М. Фримен пришёл к однозначному выводу: отсутствие нарративного восприятия мира имеет серьёзные последствия для самого существа человека. На ранних фазах развития деменции наблюдалось движение «за пределы самосознающего нарративного “я”»⁴². И результатом ослабления нарративной идентичности была «беспрецедентная бессознательная, даже экстатическая связь с миром»⁴³. Однако этот эффект был недолговечным. По мере того, как болезнь прогрессировала, нарративное «я» уменьшалось. А вместе с ним уменьшалась и глубина связи с реальностью. Выводы,

перформативный характер, поскольку интерпретации не представляют, а напротив, конституируют социальную реальность».

41 Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. Vol. 71 (3). P. 692.

42 Freeman M. Why Narrative is Here to Stay. A Return to Origins // The Travelling Concepts of Narrative. Amsterdam; Philadelphia (Pa.), 2013. P. 44.

43 Ibid.

к которым приходит М. Фримен, трагичны: потеря нарративной идентичности во многом тождественна уничтожению агентности субъекта.

«Вместо чувственно насыщенного опыта может возникнуть своего рода экзистенциальный вывих. Настоящий момент полностью лишается смысла и значения. Это, в свою очередь, говорит о том, что нарративное знание, вместо того чтобы рассматриваться как “навязывание” опыта, которым его часто считают, должно рассматриваться как жизненно важная составляющая той отличительной реальности, которую мы называем “человеческой”»⁴⁴.

Если пренебрежение нарративами приводит к потере себя, то внимание к ним служит своеобразным инструментом самосозиания, а также средством сопротивления навязываемой действительности или же тёмным сторонам собственной природы. Культурные нарративы словно предоставляют человеку банк моделей смыслообразования, т. е. открывают ему возможность быть тем, кем он не может быть в своем непосредственном социальном окружении. «Человек есть то, что он читает», — замечал по этому поводу И. Бродский⁴⁵.

Кроме того, нарратив открывает человеку возможность осмысливать свою жизнь и, таким образом, брать за неё ответственность. Другими словами, нарративно-структурированная жизнь зачастую более осмысленна, а потому и более эффективна, и целесообразна. Возвращаясь к событиям прошлого, рассматривая их с новых позиций, открывая в них новые стороны, устанавливая между ними новые причинно-следственные связи, одним словом, переинтерпретируя их, мы получаем возможность глубже вникнуть в смысл произошедшего. Тем самым мы в большей степени упорядочиваем свою жизнь. Если подобного переосмысления нет, то наш временной опыт рискует

44 Freeman M. *Why Narrative is Here to Stay. A Return to Origins*. P. 44. Подобные случаи описываются и в художественной литературе, содержащей метанarrативный дискурс. Интересный пример находим в романе Д. Франк «Слепота сердца». Опасаясь за свою жизнь и жизнь своего ребёнка во время фашистского геноцида евреев, девушка по имени Хелен перестаёт рассказывать малышу истории о своём прошлом. В результате она теряет связь между тем, что есть, и тем, что было. Хелен переживает глубокое чувство утраты себя. В свою очередь, это рождает в ней ощущение того, что она больше не может быть матерью. Так автор подчёркивает, что именно рассказы о прошлом дают нам возможность быть теми, кто мы есть, в настоящем.

45 Д. Брунер в связи с этим пишет: «Мы становимся теми автобиографическими нарративами, в которых мы “рассказываем о” наших жизнях. И обусловленные культурной оформленностью <...> мы также становимся вариантами канонических форм культуры». См.: Bruner J. *Life as Narrative* // *Social Research*. 2004. Vol. 71 (3). P. 694.

развалиться на части, а наша жизнь — превратиться в серию несвязанных эпизодов-переживаний.

Однако необходимо отметить, что в целом сторонники нарратива рассматривают повествование как этически сложное явление. Практика свидетельствует, что переосмысление опыта своей жизни не делает нас более этичными и осмысленными автоматически.

С одной стороны, герои могут демонстрировать высокую степень нравственного сознания, способность к глубокой саморефлексии, но при этом не проживать свою жизнь как связанную историю и даже противиться этому опыту. Яркий пример — герой романа Ж.-П. Сартра «Тошнота» Антуан Рокантен, а также герой романа Р. Музиля «Человек без свойств» Ульрих. С другой стороны, не всегда нарративизация действительности, а также переосмысление опыта при помощи повествования приводят к этически приемлемым с точки зрения общечеловеческих ценностей результатам. Нарративное мышление не является гарантом того, что человек будет ответственно и осмысленно подходить к своей жизни. Порой именно нарратив становится инструментом власти и подавления. Яркий пример тому — нацистская и большевистская мифология. Иными словами, нарративы становятся опасными как на личном, так и на общественном уровне, когда их овеществляют и представляют как неоспоримую истину.

На этом основании представители нарративной герменевтики приходят к выводу о том, что отношение к нарративу должно быть критическим. С одной стороны, мы не можем жить без повествований. Это врождённый способ взаимодействия с реальностью. Мы нуждаемся в них. Они дают нам модели для осмыслиения нашей жизни. Однако, с другой стороны, мы должны подвергать эти модели критической рефлексии. Об этом нас предупреждает П. Рикёр:

«Современный человек не может ни избавиться от мифа, ни принять его за чистую монету. Миф всегда будет с нами, но мы всегда должны подходить к нему критически»⁴⁶.

Если мы не будем это учитывать, если будем слепо доверять нарративу, воспринимать его как саму реальность (или как опыт проживания реальности), а не её интерпретацию, мы рискуем заблудиться и потерять свою идентичность в мифологическом пространстве. Исчезнет сам субъект, который формируется благодаря нарративу лишь отчасти. Это неизбежно приведёт к потере этической стабильности,

46 Ricoeur P. *Myth as the Bearer of Possible Worlds* // Ricoeur Reader: Reflection and Imagination / ed. M. Valdes. New York (N. Y.), 1991. P. 485.

как, например, это произошло в тоталитарных системах XX столетия, которые подменяли реальность мифом⁴⁷.

Итак, сама по себе форма повествования не делает его ни этичным, ни неэтичным. Этически значимым является осознание субъектом той роли, которую нарратив играет в организации его опыта. Мы можем критически осмысливать, как те или иные повествования определяют наше самопонимание и регулируют взаимодействие с другими людьми, как они формируют нашу культуру и нашу практическую деятельность.

Подведём промежуточный итог. Как в художественном, так и в теоретическом дискурсе мы встречаемся с аргументацией в поддержку нарратива. Повествование — это не просто когнитивный инструмент, призванный создавать искусственные порядки в мире хаоса и беспорядка и тем самым фальсифицировать реальность. Нарратив имеет онтологический статус. Способность создавать историю — это базовая способность человека. Как говорит Д. Брунер, «мы, по-видимому, не имеем иных способов описания “прожитого времени” кроме как в форме нарратива»⁴⁸. Взаимодействуя с реальностью, наше сознание неизменно интерпретирует её в категориях повествования. Сам наш опыт уже имеет преднарративную структуру, т. е. проживание жизни и рассказ об этом проживании тесно переплетены друг с другом.

Это утверждение избегает резкого противопоставления жизни и нарратива, равно как и их отождествления. Нарративная герменевтика предполагает, что между опытом и повествованием существуют напряжённые отношения. П. Рикёр рассматривает эти отношения как диалектическое взаимодействие, которое протекает в пространстве интерпретационного континуума. Содержание этой герменевтической активности он изображает как переход с одного миметического уровня на другой (*mimesis-I*, *mimesis-II*, *mimesis-III*). Процесс нарративной

47 Как замечает по этому поводу Х. Меретойя, «проблематично проводить резкую оппозицию между проживанием и рассказом, но не менее проблематично просто отождествлять их друг с другом, поскольку такое отождествление подрывает возможность этически оценивать и обсуждать различные нарративные интерпретации опыта. Только если мы признаем характер нарративов как интерпретаций, мы сможем провести различие между нарративами и тем, что они интерпретируют или о чем рассказывают (опыт, события), и признать, что каждый нарратив может быть оспорен и рассказал иначе». См.: *Meretoja H. Narrative and Human Existence // New Literary History. 2014. Vol. 45 (1). P. 103–104.*

48 *Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. Vol. 71 (3). P. 692.*

интерпретации начинается уже на уровне взаимодействия с реальностью. Он получает логическое развитие в литературном нарративе, где воплощается в виде сюжета, а после и в интерпретации этого сюжета на основе нового опыта взаимодействия с реальностью.

Подобный цикл, по мнению П. Рикёра, находится в основе самосозидания познающего субъекта, а также в основе созидания культурной традиции. Мы формируем собственную идентичность в ситуации диалога: с одной стороны, мы реинтерпретируем собственный опыт в свете нарративных шаблонов культуры, с другой, с учётом этого опыта трансформируем те нарративные шаблоны, которые нам предлагаёт культурная традиция. Таким образом, и наша собственная идентичность, и образ той культуры, которая нас окружает, — всё это результат герменевтической активности, имеющей преимущественно нарративный характер.

Для нас принципиально важным положением нарративной герменевтики П. Рикёра является её выход в область трансцендентного. Способность создавать нарратив — это способность осмыслять и презентовать свой рассеянный во времени опыт как единое связанное целое. Обращаясь к блж. Августину, П. Рикёр подчёркивает, что такая возможность открывается рассказчику благодаря тому, что он способен созерцать прошлое и будущее в настоящем моменте. У блж. Августина этот настоящий момент отождествляется с реальностью Божественного Слова. Пребывающий в Нём получает возможность взглянуть на события истории в перспективе Вечности. Именно Слово сообщает рассеянным во времени событиям логосность, т. е. осмысленность и порядок. Сама наша склонность облекать опыт в связанный рассказ рассматривается как подражание Логосу. Подлинный нарратив возможен в той степени, в какой рассказчик причастен этой Божественной реальности. Напротив, фальсификация реальности и опыта её проживания начинается именно тогда, когда эта связь ослабевает.

Озвученные положения нарративной герменевтики имеют важные этические последствия. Нарратив — это, ко всему прочему, перформативный акт. Та нарративная стратегия интерпретации реальности, которой придерживается субъект, непосредственно отражается на том, как он взаимодействует с миром. Повествование имеет силу созидать и разрушать. В этой ситуации этически значимой позицией является не столько выбор конкретного нарратива, которому будет подчинена жизнь субъекта, сколько осознание того, что способность создавать историю есть лишь функция сознания, помогающая нам ориентироваться

в этой жизни⁴⁹. Этически значима лишь установка субъекта действия. Говоря об этом в терминах богословия блж. Августина, этически значимо будет то, какую позицию занимает рассказчик относительно Божественного Логоса, созерцание Которого дает импульс к рождению осмысленного и уместного в конкретной ситуации нарратива.

Теперь, когда основные положения нарративной герменевтики описаны, появляется возможность через призму этой методологической установки взглянуть на христианскую традицию интерпретации текста Священного Писания. Основной вопрос: насколько подобная парадигмальная прививка будет продуктивна? В частности, каким описательным потенциалом в области христианской экзегезы может обладать понятийно-терминологический аппарат нарративной герменевтики, какие новые направления исследований он открывает, какие вопросы решает и какие проблемы ставит.

Продолжение следует

Источники

Aurelius Augustinus. Confessio // CCSL. T. 27. P. 1–273.

Августин Аврелий. Исповедь. Москва: Республика, 1992.

Литература

Барецкий Д., свящ. Генезис библейского нарратива через призму философской герменевтики П. Рикёра // Библия и христианская древность. 2024. № 1 (21). С. 188–207.

Барецкий Д., свящ. Генезис и развитие христианской экзегетической традиции через призму феноменологической герменевтики П. Рикёра // Библия и христианская древность. 2025. № 1 (25). С. 151–177.

Бабич В. В. Нарративная идентичность и этический субъективизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 3A–4A. С. 14–24.

Лосский В. Н. Боговидение. Москва: АСТ, 2003.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва: Культурная революция, 2005.

Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998.

49 См.: *Brockmeier J., Meretja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds.* 2014. Vol. 6 (2). P. 16. Рус. пер.: «Мы видим в этом ключевую задачу нарративной герменевтики: показать, что опыт сам по себе предполагает постоянную интерпретацию и что наши нарративные самоинтерпретации и культурные рамки, в которых мы запутались, в первую очередь влияют на то, как мы воспринимаем вещи».

- Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Понимание как универсальная герменевтическая среда в философии Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 118–123.*
- Шрёдингер Э. Разум и материя. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.*
- Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2014. Vol. 6 (2). P. 1–27.*
- Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. 71 (3). P. 691–710.*
- Freeman M. Why Narrative is Here to Stay. A Return to Origins // The Travelling Concepts of Narrative / ed. M. Hyvärinen, M. Hatavara, L.-C. Hydén. Amsterdam; Philadelphia (Pa.): John Benjamins Publishing Company, 2013. (Studies in Narrative; vol. 18). P. 43–61.*
- MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 1984.*
- Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction // The Travelling Concepts of Narrative / ed. M. Hyvärinen, M. Hatavara, L.-C. Hydén. Amsterdam; Philadelphia (Pa.): John Benjamins Publishing Company, 2013. (Studies in Narrative; vol. 18). P. 93–117.*
- Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier. Basingstoke: Palgrave, 2014.*
- Meretoja H. Narrative and Human Existence: Ontology, Epistemology and Ethics // New Literary History. 2014. Vol. 45 (1). P. 89–109.*
- Meretoja H. For Interpretation // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2016. Vol. 8 (1). P. 97–117.*
- Meretoja H. The Ethics of Storytelling: Narrative Hermeneutics, History, and the Possible. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2018.*
- Ricœur P. Temps et récit. Paris: Seuil, 1983–1985.*
- Ricœur P. Time and Narrative. Vol. 3. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1988.*
- Ricœur P. Myth as the Bearer of Possible Worlds // Ricoeur Reader: Reflection and Imagination / ed. M. Valdes. New York (N. Y.): Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 482–490.*
- Ricœur P. From Text to Action: Essays in Hermeneutics II. Evanston (Ill.): Northwestern Univ. Press, 1991.*
- Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1989.*
- Tournier M. The Wind Spirit: An Autobiography. Boston (Mass.): Beacon Press, 1988.*